

ВОЛЖСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

г. Куйбышев

- 8 ИЮН 1985

В первых числах июня в Куйбышеве по приглашению бюро пропаганды киноискусства Поволжского отделения Союза кинематографистов СССР находился заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Юрий Демич. Он выступал в программе «Диалоги» — встречался со зрителями в рабочих и студенческих аудиториях, рассказывал о кино, отвечал на вопросы. Словом, обычный рабочий визит популярного актера. Если бы не одно обстоятельство: двенадцать лет назад 25-летний Юрий Демич, блестяще сыграв Гамлета в знаменитом спектакле П. Монастырского, неожиданно для всех уехал в Ленинград, в Большой драматический театр им. Горького, которым руководил — и теперь руководит — Г. А. Товстоногов. Событие это наделало тогда много шума. Во-первых, Ю. Демич был «свой», а своим всегда труднее прощают «измену». Во-вторых, его любили, на него начинали ходить, его имя все чаще повторялось в театральных кругах. Наконец, это было алогично с точки зрения здравого смысла: молодой актер, что называется, стремительно шел в гору, у него был уже свой репертуар и свое место в ряду великодушных актеров, работавших тогда в театре. Но вот именно тогда, на этом взлете, Ю. Демич ушел из родного театра.

Юрий Демич:

«ЭТОМУ ГОРОДУ Я ОБЯЗАН ВСЕМ...»

— Покупая билет в Куйбышев, я понимал, конечно, что этой темы не избежать: будут спрашивать, надо будет отвечать. И тогда же решил, что отвечать буду предельно искренне — не только на этот, на все вопросы. Тот, кто был на самой первой моей встрече в ОДО, заметил, наверное, как я волновался. Для меня это была встреча с городом, который я бесконечно люблю, которому обязан всем, ну просто всем, что есть у меня. Я прожил 12 лет в Ленинграде, привык к нему, но я не стал ленинградцем. Здесь, в Куйбышеве, у меня осталось все, что мне дорого, что теперь уже навсегда: юность, Волга, студия, друзья, мечты, первые роли, наконец, Гамлет — самая дорогая работа, выше этого я ничего, пожалуй, не сыграл.

Да, мы трудно расставались — тут было много личного, со многим приходилось рвать, на многое посмотрилось тогда иначе. Думаю, двенадцать прошедших лет позволяют теперь отнестись ко всему спокойнее. Осталось главное: память о городе и театре, о их людях, признательность за их память обо мне. Уже давно все мои встречи со зрителями я начинаю с рассказа о Куйбышеве, о его театре, об актерах, с которыми мне выпало счастье работать, у которых я учился.

В БДТ меня пригласили сразу после «Гамлета», на роль Василья Пепла в «На дне» М. Горького. Постановка, однако, откладывалась со дня на день, сроки переносились, пока вовсе не отодвинулись на неопределенное время. И тогда Георгий Александрович Товстоногов предложил мне роль Пашки в пьесе А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Для меня это было неожиданностью, ведь в Куйбышеве я считался романтическим героем, даже Гамлет был сыгран в этом плане. А Пашка «подзаборник», «крапивник», человек без привязанностей, без веры, обремененный на весь мир,

резкий, жестокий даже.

Репетировали, однако, интересно, в спектакле, как всегда у Товстоногова, были заняты великолепные актеры — Е. Копелян, К. Лавров, Н. Трофимов, дело шло к генеральной. И вот тут произошло событие, о котором я долго буду помнить. Одна очень важная сцена в спектакле — объяснение Пашки с Валентиной — никак не получалась. Пашка был влюблен в Валентину, Валентина же любила Шаманова, которого играл К. Лавров, до Пашки ей дела не было, и вот эти две по-настоящему сильные привязанности и их несовпадение, эту боль — у каждого свою — надо было сыграть. Сцена эта требовала техники, филигранной отделки, я же хотел страсти, трагедии, «крови» — если уж рушится, пусть рушится с грохотом, и чем больше, тем лучше. Словом, сцена не шла, и в конце концов я попросил Георгия Александровича остановить репетицию.

Репетиция приостановилась, все с интересом посматривали на меня, потом встал Е. Копелян и сказал примерно следующее: «Видите ли, Юра, вы хотите сыграть все сразу. А тут нельзя спешить, тут нужно постепенно. Пашку часто обижали, он многое научился скрывать, то, что он кричит — это от боли, от обиды, настоящий Пашка почти не виден, он должен проявляться осторожно, потихоньку, тут важны нюансы».

Потом встал К. Лавров. У Пашки, которого всегда били, сказал он, в конце концов выработался свой жизненный принцип: «Чтобы тебя не обидели — обидь сам». Этот способ защиты, в том числе, и в случае с Валентиной. Вот что должен был сделать Пашка — Лавров слегка напрягся, стальные глаза его стали беспощадными, он медленно двинулся на Валентину.

Вот тут я и «завелся». Спасибо, Ефим Захарович, спасибо, Кирилл Юрьевич, громко сказал я, вы очень хорошо все объяснили, но, к сожалению, я не Копелян и

не Лавров, а Демич, и играть буду так, как могу и понимаю я. А пока мне это все только мешает.

Потом была генеральная, в зале сидели Лебедев, Юрский, Стрельчик, Басилашвили, Попова — все корифеи БДТ, у меня пелена стояла перед глазами, не помню, как играл. Помню только, что «выдал на всю катушку». В антракте слегка очнулся, с ужасом понял, что произошло, второй акт сыграл получше, но все же это был провал. После худсовета меня вызвал к себе Товстоногов. «Вот что, Юра, — сказал он, — давай поделим все это пополам. Как поговорим, фифти-фифти. Репетировал ты интересно, где-то, наверное, я не успел... А роль пойдет через пять-шесть спектаклей, все будет в норме».

Он оказался прав: через несколько спектаклей — все действительно стало на свои места. И Пашка — одна из самых любимых моих работ. К Ефиму Захаровичу я специально ходил извиняться за «хамство», на что он сказал: «Ну, что вы, Юра, если бы это в жизни. Вы же отстаивали свою точку зрения». И тут же, почти сразу, Товстоногов предложил мне главную роль в своем новом спектакле «Три мешка сорной пшеницы». И мы опять играли вместе с Е. Копеляном: я — героя в юности, он — того же героя много лет спустя. Это было очень дорогое всем нам спектакль — честный, чистый, острый. Никогда не забуду в нем О. Борисова — это было что-то запредельное, казалось, еще немного, и он не выдержит, до сих пор помню его синие от гнева губы. И Копеляна — как он выходил с булкой в руках и начинал говорить залу о хлебе, после этих слов зал долго сидел, опустив глаза, сгорбившись.

Я часто рассказывал об этом в Куйбышеве. Именно в Куйбышеве, потому что тут сходятся сразу несколько вещей: собственное мое состояние, когда я только «вживал-

ся» в БДТ, этическая атмосфера самого БДТ; наконец, это, хотя бы косвенно, позволяет сравнить оба театра, Монастырского и Товстоногова. А это вопрос, без которого не обходится ни одна встреча.

Сравнивать же их трудно, может быть, и не надо. Но я думаю, сам факт, что я «прошел» в БДТ, характеризует куйбышевский театр: не только профессиональную, но и общечеловеческую, что ли, подготовку, которую он давал.

Поверьте, это действительно трудно — стать в БДТ «своим человеком». Даже теперь, через двенадцать лет, я не могу сказать, что всех люблю в этом театре и что сам я в нем — общий любимец. Все гораздо сложнее. Но мне трудно представить теперь жизнь без таланта и максимализма Товстоногова, душевной чистоты и совестливости Копеляна, иступленной преданности театру Стрельчика, фанатизма и громадного дарования О. Борисова. И если куйбышевский театр для меня — дом родной, то БДТ — мое вероисповедание. Вот так они соотносятся во мне.

Конечно, жизнь не стоит на месте, за 12 лет многое, наверное, изменилось здесь, в Куйбышеве, многое — у нас, в БДТ. Умер Ефим Захарович Копелян, уехали в Москву О. Борисов, Юрский, Тенякова. Некоторые из этих потерь для меня и личные утраты — Копелян, прежде всего. О. Борисов — самый любимый актер. Н. Тенякова — любимая партнерша, актеры знают, что это такое. Я до сих пор помню Веру Александровну Ершову, как легко с ней было на сцене. До сих пор передо мною добрые глаза моего Горацио — Сережи Кашицына...

О своих планах в театре пока не говорю вслух. О мечтах — пожалуйста: хотел бы сыграть Сирано. И конечно, хочу, чтобы БДТ приехал в Куйбышев. Надеюсь, что это случится хотя бы в ближайшие... двенадцать лет.

Записал
Г. КОСТИН.